16 сентября 2016, время 10:06
Версия для печати

Экс-премьер Виктор Зубков: «За всю свою жизнь я никого не предал!»

Предшественник Путина в Белом доме - об обстоятельствах своего знакомства с президентом, о том, как в 1992 году Санкт-Петербург спасли от голода, и о многом другом

Два дня назад в 16:25, просмотров: 8270

75 лет исполнится в этот четверг бывшему премьер-министру России Виктору Зубкову. До своего прихода в Белый дом в сентябре 2007 года Виктор Зубков занимал совершенно непубличную должность руководителя российской финансовой разведки. И поэтому его назначение на второй по значимости пост в государстве вызвало у многих абсолютное изумление. У многих — но только не у тех, кто вхож в ближний круг Владимира Путина. Виктор Зубков — один из самых давних и надежных путинских соратников. Человек, на которого всегда можно положиться. Человек, который не предаст.

Уступив в 2008 году должность премьер-министра самому Владимиру Путину, Виктор Зубков переместился на пост его первого заместителя. Сегодня юбиляр по-прежнему «при делах»: председатель совета директоров «Газпрома», специальный представитель Президента РФ по взаимодействию с форумом стран — экспортеров газа, председатель российского координационного комитета форума «Петербургский диалог» с Германией. Однако, разговаривая с Виктором Зубковым, я принял осознанное решение сосредоточиться не на современной политике, а на истории его жизни — истории одновременно очень простой и невероятно увлекательной.

фото: Наталия Губернаторова

Виктор Зубков

— Виктор Алексеевич, про вас рассказывают вот такую историю: в 2007 году вы уже совсем собрались уходить на пенсию с поста руководителя нашей финансовой разведки. Но внезапно с вами связался Путин и предложил занять должность премьер-министра. Так все и было?

- Да, все так и было. Я действительно уже подумывал об уходе с государственной службы. Предельный срок пребывания на госслужбе тогда составлял 65 лет. А мне как раз 65 лет и исполнилось. Губернатор Омской области Леонид Полежаев вместе с руководителем областного законодательного собрания предложили мне стать сенатором от их региона. Омская область непростая, интересная. И я согласился. Начался процесс моего представления в законодательном собрании.

Но в это самое время совершенно неожиданно возник вопрос о моем премьерстве. Поздно вечером мы долго гуляли с Владимиром Владимировичем по территории его резиденции и обсуждали мою работу в должности председателя правительства, как будто это уже был свершившийся факт. Но я не сразу был готов дать свое согласие. И мы договорились лишь о том, что этот разговор останется между нами, и о том, что через определенное время мы снова встретимся.

Время шло. Я улетел в Черногорию на ежегодный банковский конгресс. Внезапно мне позвонили и спросили: «Виктор Алексеевич, вы где?» — «Я здесь, в Черногории». — «Вам надо срочно быть в Москве». Ближайших рейсов на Москву не было. Мы должны были улетать всей делегацией в другой день. Тогда я позвонил своему знакомому, у которого был личный самолет. И он глубокой ночью доставил меня в столицу. На следующее утро моя кандидатура была внесена в Думу.

— А с чего начался ваш путь в премьеры — правда ли, что с «должности» рабочего в рудниках на Крайнем Севере?

— Сразу после школы я пошел на ремонтно-механический завод и отработал там год слесарем. Но потом я решил перейти на рудник «Ниттис-Кумужье». Это шахта комбината «Североникель», которая считалась элитным градообразующим предприятием в северном городе Мончегорске. Там была интересная социальная сфера, включавшая и стадионы, и дома культуры. А на ремонтно-механическом заводе ничего этого не было. Только ремонт тракторов, и больше ничего. Поэтому мой выбор был очевиден.

1946 год. Маленький Виктор Зубков с сестрой Тамарой. Фото из личного архива.

— Вы не пожалели о том, что пошли в шахту? Не было ли это слишком экстремальным?

— Да нет, я был молодой, и меня ничего не пугало. Тем более что многие мои одноклассники тоже пошли туда работать. И зарплата, кстати, там была выше. А работа была примерно такой же, как на ремонтно-механическом заводе.

— А почему еще через год вы решили сменить промышленность на сельское хозяйство: поступили именно в сельскохозяйственный институт?

— Я как-то раз встретил своего знакомого, с которым вместе бегали на лыжах. И мы с ним разговорились о том, кто чем занимается. О себе он сказал, что учится в Ленинградском сельскохозяйственном институте, и увлек меня своим рассказом о сельском хозяйстве. А еще свою роль, видимо, сыграло то обстоятельство, что все мои предки были крестьянами. Когда-то их как крепостных купили и перевезли из Центральной России на Урал — по-моему, чуть ли не к самому знаменитому основателю местной горнорудной промышленности Демидову.

После отмены крепостного права в 1861 году мои предки, будучи, по-видимому, людьми предприимчивыми, накопили денег, выкупили землю у татар и начали самостоятельно заниматься сельским хозяйством. Они быстро стали зажиточными. И для всей большой семьи был построен хороший кирпичный дом в центре села Мартыновка Курганской области. Мои предки занимались производством и продажей зерна, мясо-молочной продукции, меда. А в 1930 году их за то, что они жили богато, раскулачили, все отобрали и отправили на Север, в Мурманскую область.

— Когда вы узнали, что ваши родители были раскулачены? Об этом ведь, насколько я знаю, не принято было рассказывать.

— Я узнал об этом сразу, как только начал соображать, еще учась в школе. Родители не скрывали то, как и почему они оказались на Крайнем Севере. Но, естественно, они не любили говорить о подробностях. Как вы правильно отметили, особо распространяться об этом в то время было не принято. Поэтому всю правду о прошлом своей семьи я узнал только тогда, когда перестал быть председателем правительства. Я тогда попросил помощника съездить на родину моих родителей. Он съездил, изучил архивы и привез материалы, раскрывшие историю коллективизации моей семьи. Я был поражен тем, что в большом селе Мартыновка не было не только газа, но даже источников воды — ее туда привозили в цистернах. Сейчас я это, конечно, исправил. В Мартыновке появились газ, вода, новая библиотека...

— А где и когда вы познакомились со своей будущей супругой?

— Я перешел на пятый курс. И где-то в начале сентября наши активисты — у нас был очень активный курс — сказали, что надо провести встречу пятикурсников с первокурсниками в Камероновой галерее Екатерининского парка. Мы — ребята-пятикурсники — туда явились. И я увидел стайку симпатичных девушек, одна из которых была особо симпатичной. Я с ней познакомился, мы потанцевали. Она сказала, что родом из Новгородской области. У нее, кстати, такая же история семьи. Тоже раскулаченные. Но во время нашей первой встречи мы, конечно же, говорили совсем о другом. В общем, мы начали встречаться, но не так часто, как хотелось бы: у меня началась большая преддипломная практика. Я уехал на шесть месяцев в Лужский район, где писал диплом. Ей тоже надо было учиться.

Кроме того, я ведь еще работал в кочегарке в Пушкине. Кочегарок было больше 100, и трудились там только студенты Ленинградского сельскохозяйственного института. Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль запретить нам, студентам, работать, то город был бы полностью заморожен. Это сейчас одна газпромовская котельная способна обеспечить теплом такой город с пригородом. А раньше все было совсем по-другому. Поэтому мы встречались редко.

— То есть поженились вы только после защиты вашего диплома?

— Не угадали. Как только весной 1965 года я защитил диплом, меня сразу же забрали в армию. Тогда еще ощущались последствия ракетного Карибского кризиса 1962 года. И выпускников тех вузов, где, как в моем, не было военной кафедры, собрали в одном месте в Пушкине, переодели и призвали в армию. Нам сказали, что на год. Но отслужили мы почти два.

Я служил в Пушкине. Но я все равно не мог часто встречаться со своей невестой: мы все время ездили на учения. Нас возили то в Псковскую область, в Струги Красные, то в Нижегородскую область, в Побочино, то в Алакуртти, в Мурманскую область. То есть вся служба у меня была на колесах. А на второй год меня перевели служить в Выборг. Нам оставалось довольствоваться лишь редкими встречами, разговорами по телефону и письмами. Вот такая вот романтика! Пожениться нам удалось только после моего возвращения из армии.

— А как вы определились с местом вашей будущей работы?

— Когда я уже дослуживал в армии последние дни, к нам приехал проведать своего племянника директор совхоза «Красная славянка» Гатчинского района Иван Павлович Ласточкин. Мы случайно с ним в части пересеклись, разговорились, и он спросил: «Куда ты собираешься на работу?» Я говорю: «Не знаю еще. У меня было направление в Казахстан, в Чимкентскую область. Но думаю, оно «сгорело» уже. Кто там меня будет ждать, пока я из армии вернусь?!» Тут он и говорит: «Так приезжай ко мне на работу». Я спросил: «Куда?» «Да вот здесь, рядом, между Пушкином, Павловском и Гатчиной», — говорит он. Спросил кем. Он ответил: начнешь управляющим отделением, а дальше посмотрим. Вот так и получилось, что с февраля 1967 года я начал работать управляющим Покровским отделением совхоза «Красная славянка». По сути, отделение представляло из себя бывший колхоз.

— И сколько же у вас сразу появилось подчиненных?

— Не так много. Насколько я помню, около 250 человек. Вы говорите, что для вчерашнего студента это не просто много, а очень много? Конечно, это так. Но меня уже в армии заметили: доверяли подготовку молодых солдат группами по тридцать-сорок человек. Поэтому определенный опыт руководства людьми я уже имел. Хозяйство, в которое меня направили, не было ни отстающим, ни особо прибыльным. Но потенциал там был очень хороший. Я начал много работать с людьми, у нас пошли неплохие результаты. Где-то два года я работал управляющим, получил очень полезный опыт. Потом меня перевели на должность заместителя директора, на которой я проработал около года.

1977 год. Уборочные работы в совхозе «Раздолье». Виктор Зубков — в центре в первом ряду. Фото из личного архива

Наверное, я попал в так называемую номенклатуру. Еще будучи управляющим отделением, я вступил в партию, по линии которой мне предложили возглавить самый отстающий совхоз в Ленинградской области «Раздолье». Он располагался недалеко от города — порядка 70 километров. Совхоз был очень большим по территории. На 80 километров были разбросаны бывшие финские хутора, красивейшие реки, озера, сосновые леса. Но все это было запущено по той причине, что десять лет там покомандовал Василий Иванович — бывший генерал, которого еще Хрущев отправил в запас. Тогда было модно назначать отставных генералов директорами совхозов. Василий Иванович очень любил охоту и рыбалку. И когда я у него принимал дела, единственным полезным документом, который я от него получил, был график, когда и где хорошо клюет рыба. С примечаниями, на что ее надо ловить.

— И удалось ли вам воспользоваться этим графиком?

— В первое время мне было совсем не до рыбалки. Я хорошо помню свое первое появление в «Раздолье». Знакомиться меня туда привез замначальника нашего областного управления Илья Леонидович Ганзовский. Мороз тогда был около 30 градусов. Мы ехали на старой 21-й «Волге». Он сидел на переднем сиденье, где работала печка. А я сидел сзади, в ботиночках, в легком пальто. Вдобавок ко всему у меня еще плохо закрывалась дверь. Представляете себе эту картину?

Мы приехали, зашли в контору совхоза. Василий Иванович сидел в жарко натопленном кабинете в валенках. Мы предложили Василию Ивановичу поехать с нами осмотреть хозяйство, на что он сказал: «Нет, вы давайте сами, без меня». Ну, мы поехали без него. Сначала в отделение «Борисово». Все было в грязи, полная разруха. Потом поехали в другое отделение «Бережок». К слову, там снимали фильм «Лето в Бережках». Там удивительная природа. Затем отделение «Крутая горка». Там дойное стадо было. Доярки, бедные, таскали на руках какие-то тазы, мешки. Потом поехали на центральный двор. Там уже было побольше порядка. Но все сооружения были деревянные и на подпорках. На все это было очень грустно смотреть после того хозяйства, в котором я отработал три года.

Василий Иванович был хороший, добрый человек с большим чувством юмора. Все десять лет своего руководства совхозом Василий Иванович учился заочно в сельскохозяйственном институте. Идя на экзамен, он надевал генеральский мундир с медалями, хотя, как рассказывали, всю войну провел на Дальнем Востоке. Преподаватель, как правило, какой-нибудь демобилизованный старшина или лейтенант, вставал перед ним по стойке смирно. Василий Иванович отвечал по предмету — или не совсем по предмету. На что преподаватель ему говорил: «Вас устроит, если я поставлю «тройку»?» «Нет», — отвечал Василий Иванович, — я никогда не был троечником! Только «четыре».

— За счет чего вам удалось перевести ваше новое хозяйство в передовые?

— Как говорится, кадры решают все. Когда я начал разбираться, выяснилось, что не было ни одного нормального специалиста. Поскольку Василий Иванович редко бывал в хозяйстве, его замещал главный агроном. Он попросту смирился со всем идиотизмом, который там творился, сам стал таким же, совсем опустился. Главный инженер тоже был совсем никакой. Ходил с вечно красным носом. И другие специалисты были абсолютно случайными людьми. Весь руководящий состав хозяйства занимался чем угодно, но не организацией работы.

Я начал искать новые кадры. Благо руководством мне был дан полный карт-бланш. Еще во время учебы я много ездил по успешным хозяйствам. Помню, напросился на практику в

совхоз «Детскосельский», который возглавлял Герой Социалистического Труда Иван Сергеевич Шинкарев. Неделю ходил за ним по пятам. Смотрел, как он работает. И вот пришлось украсть у него бригадира — грамотную девушку. Она была не замужем. И я сказал ей: «Зинаида, все равно здесь тебе мужа не найти. А вот если к нам поедешь, найдем!»

— Нашли?

— Нашли! Заполучив себе бригадира, которая у меня стала главным зоотехником, я поехал в Пушкин, где каждый год проводили курсы главных инженеров всех областей. Я там нашел парня на должность главного инженера. Он, кстати, до сих пор там работает. Потом переманил из Выборгского района семью. Он, Николай Иванович Головань, — агроном, она — главный экономист. Единственными из спецов, кто оказались порядочными в доверенном мне хозяйстве, были ветврач и селекционер. Селекционер, кстати, до сих пор там так и работает. Таким образом, у меня появился костяк команды. Они были примерно моего возраста. Мне было 28, им примерно по 30, может, кому-то 32.

Начали работать. Работать было настолько трудно, что я до сих пор удивляюсь, как нам удалось все это сдвинуть. Как-то раз в приемной начальника областного управления один из авторитетных директоров совхоза, узнав, что я иду работать в «Раздолье», удивился и сказал: «Да его даже Карл Маркс не поднимет! А ты куда лезешь?! Мальчишка еще совсем!» А я сказал: «Посмотрим».

— И быстро вам удалось доказать передовому директору, что вы «круче Карла Маркса»?

— Началось все с того, что в феврале у нас закончились корма. А ведь там большое элитное стадо голландской породы, купленное за валюту сразу после войны, в 1946 году. Пришлось искать корма. Ездил и в «Красную славянку», и в «Детскосельский», и в совхоз «Петровский» и везде просил, кто что даст. Помогли. Нам как- то удалось пережить ту зиму, стали готовить к весне технику. Она была отсталая. Ничего плохого не хочу сказать про Василия Ивановича, он был человек добродушный, прямо как Василий Иванович Чапаев, даже усы такие же носил. Но он не любил унижаться. А я не считал зазорным поехать поплакаться, попросить.

Потом я начал активно заниматься мелиорацией, приводить в порядок землю, много строить хозяйственным способом. Что это такое? Мы сами искали цемент, древесину, металл. Институт сварки «Прометей» находился тогда в Александро-Невской лавре. Они говорили: «Мы тебе людей не дадим, а вот металла бери сколько хочешь!» И я начал строить помещения для скота, хранилища для кормов, для сена. Причем все эти помещения были оборудованы активным вентилированием, которого тогда нигде, кроме «Раздолья», не было. Сразу же выросло качество и количество корма, что выразилось в ежегодном росте показателей надоев. Стал строить дома для людей со всеми удобствами. Газ подвели. Котельную построили, появилось центральное отопление. Мастерские построили, хорошие дороги. Совхоз стал на виду, совхоз стали награждать. Переходящие красные знамена стали частым гостем в хозяйстве.

— А когда произошло ваше первое «соприкосновение с высокими сферами»?

— Однажды я представлял свой совхоз на ВДНХ. Ко мне подошел министр сельского хозяйства РСФСР Леонид Яковлевич Флорентьев и спросил: «Слушайте, а как вы достигли таких результатов?» Я рассказал ему про эти хранилища для кормов. Про то, что именно там надо влажное сено прессовать и досушивать, а не в поле: допустим, сегодня погода хорошая стоит, а через три дня дождь пойдет, и опять все пропало. Его это очень заинтересовало, и он говорит: «Зайди ко мне завтра, поговорим с тобой». Ну, я зашел к нему, и он спрашивает: «Чего просить будешь? «Волгу»? Я ответил: «Нет, Леонид Яковлевич, я на одной «Волге» езжу, а вторая новая стоит. Дайте мне лучше пять прессов немецких».

В итоге я получил эти прессы — правда, не пять, а четыре. Один где-то потерялся по дороге. Но и четыре новых немецких пресса были всем, о чем можно было только мечтать. Они решали сразу кучу проблем. Появилась значительная экономия времени и людских ресурсов. И тут в 1981 году, когда мне было 39 лет, меня вызвали в обком и спрашивают: «Сколько ты лет руководишь совхозом?» «Двенадцать», — говорю. «А не долго ли? Задержался ты!»

— Догадываюсь, что произошло после такого обмена репликами: вам предложили пойти на повышение, ведь так?

— Так, но только предложенное мне «повышение» было очень специфическим. Меня отправили поднимать состоявшее из шести совхозов объединение «Первомайское», в котором царил полный мрак. Скрепя сердце я поехал туда. Новый водитель, который меня вез, с таким сочувствием на меня смотрел! Сам совхоз «Первомайский», правда, неплохой был. И

фермы тоже неплохие. А вот все остальные совхозы — «Коминтерн», «Мельниково», «Красноозерный», «Судаково» — были совершенно убитые. Я спрашиваю водителя: «Почему у вас тут люди какие-то мрачные все?» «А чего вы хотите, Виктор Алексеевич, у нас же тут 101-й километр, и перед Олимпиадой 1980 года всех неблагонадежных отправили сюда к нам. Они тут и остались!» Я подумал: как же мне повезло-то! Мало того что разруха такая, так еще и контингент как на подбор!

Ничего не поделаешь, начал работать. Работать было тяжело, но в то же время и легко — похожее я уже проходил. Были знания и опыт, которыми я делился с новыми коллегами. Стал возить их в свой предыдущий совхоз, показывать, рассказывать им все, требовать. В результате через четыре года показатели и на новом месте поднялись. И мне сказали: «Ну, все, хватит, иди в город Приозерск председателем горисполкома!»

— При каких обстоятельствах вы познакомились с Владимиром Путиным? И было ли у вас в момент знакомства ощущение, что происходит нечто судьбоносное?

— Я работал уже первым заместителем председателя Леноблисполкома. И вот летом 1991 года я оказался в составе одной делегации с мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком и Путиным в Германии. Там мы и познакомились — не очень близко, у каждого была своя программа. Те четыре-пять дней как-то быстро пролетели, и мы разъехались. Я в облисполком, он в мэрию. Он был тогда помощником Анатолия Александровича.

Потом, когда произошли августовские события, стала меняться власть в Ленинградской области. Я принял для себя решение уйти. Я знал, что не впишусь в новый коллектив. И я обратился к ставшему тогда председателем комитета питерской мэрии по внешним связям Владимиру Владимировичу с просьбой взять меня на работу. Он сказал: «Я вас с удовольствием возьму, но у вас большая должность — первый заместитель председателя облисполкома. Как вы можете работать у меня заместителем?» Я сказал: «С вами я готов работать в любом качестве!» Он ответил: «Да ради бога!» — и пошел к Собчаку. Собчак терпеть не мог партийные и советские кадры. Но ко мне он почему-то хорошо относился. Может быть, он слышал обо мне какие-то отзывы хорошие. Я не знаю. Но он сразу написал резолюцию «принять».

— И чем вам больше всего запомнилась совместная работа с Путиным в Санкт-Петербурге?

— Анатолий Собчак имел большой вес не только в России, но и за рубежом. Мэр мог напрямую обратиться ко многим руководителям иностранных государств. Он договорился с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджором, который бесплатно — как гуманитарную помощь — выделил 600 тысяч тонн зерна на нужды города. В то время это стало настоящим клондайком: в Санкт-Петербурге была реальная угроза голода. Мне было поручено заняться этим вопросом вместе с управлением хлебопродуктов, где я всех знал и меня все знали. Мы начали получать это зерно и направлять его на предприятия Ленинградской области, на птицефабрики, свиноводческие хозяйства. Таким образом, мы решили этот жизненно важный вопрос. Город получал продукты без перебоев.

Я занимался выполнением подобных поручений до тех пор, пока однажды вечером ко мне в кабинет не пришел Владимир Владимирович и не спросил, кто я по образованию. Я с гордостью ответил, что окончил экономический факультет Ленинградского сельскохозяйственного института, но ни одного дня экономистом не работал. «Ладно, — он говорит, — пойдете работать начальником налоговой службы города». Я ответил: «Если надо, то пойду». Так я стал работать в сфере финансов.

2011 год. Премьер-министр Путин и его первый заместитель. Фото из личного архива.

— Давайте вернемся к вашему назначению премьером. Когда Путин предлагал вам эту должность, речь шла о чисто техническом премьерстве? Или не исключалось, что вы можете стать следующим президентом?

— Я думаю, что речь, прежде всего, шла скорее о техническом премьерстве с целью стабилизации обстановки на период до вступления в должность следующего президента. Владимир Владимирович знал, что я буду заниматься только делом, только хозяйственными вопросами, а не, допустим, политическими интригами. Но не исключалось, что в процессе работы могут возникнуть и другие варианты. Такая возможность не исключалась.

— А когда вы поняли, что «другие варианты» уже исключены?

— Я хорошо помню день, когда был такой разговор. Но я не хотел бы это обсуждать.

— Была ли у вас «свобода рук» при формировании правительства? Или вам представили уже готовый список министров?

— Конечно, я мог отстаивать те или иные кандидатуры. Но по сути состав правительства был уже сформирован, и надо было сразу начинать работать. С одним назначением я не был согласен. Но оно состоялось. Не буду говорить, о каком именно назначении идет речь.

— А не сложно ли вам было после должности премьера спуститься на одну ступеньку вниз по карьерной лестнице и занять пост первого зампреда правительства?

— Я абсолютно спокойно это пережил. Я просто очень хорошо знаю, насколько трудной является работа премьера. Это безумно адский труд. Ты вроде за все отвечаешь, но подчас никак не можешь реально повлиять на те или иные процессы. Ты постоянно физически ощущаешь колоссальный груз ответственности за все, буквально за все.

— Ответьте, пожалуйста, с высоты вашего опыта: какая работа труднее — премьером или на руднике?

— Конечно, премьером труднее работать. На руднике как обстоит дело? Ты пришел, семь часов отработал и свободен. А премьером ты работаешь 24 часа в сутки. Каждую бумагу надо прочитать, в каждую вникнуть. Помню, в пол-одиннадцатого вечера мне вроде надо уже домой собираться, чтобы элементарно выспаться. А мой руководитель секретариата Юрий Анатольевич — сейчас он руководит финансовой разведкой — везет мне на тележке вот такую кипу документов. Вчера я был в командировке. Бумаги накопились, и я не смог их вовремя подписать. Я спрашиваю: «Юра, это все?» Он говорит: «Я пойду еще посмотрю». Если ты человек небезразличный, то премьерство — это работа на износ. Просто на износ.

— Кто в ваших отношениях с Путиным старший товарищ?

— Для меня Владимир Владимирович всегда будет человеком, который помог мне в самую трудную минуту. Я всегда об этом буду помнить. Сейчас мы встречаемся, обсуждаем те или иные вопросы, проблемы. Ничего в наших отношениях не изменилось. Я считаю, у нас доверительные, товарищеские отношения.

— Ну и, наверное, последний вопрос. Какого подарка вы бы хотели на свой юбилей?

— Я не чувствую, что мне 75 лет. То, что я делаю в форуме стран — экспортеров газа и «Петербургском диалоге», я делаю, на мой взгляд, профессионально. Я за всю свою жизнь никого не предал. У меня хорошая семья — жена, дочь, две прекрасные внучки. В общем, я счастливый человек!

Михаил Ростовский

Опубликован в газете "Московский комсомолец" №27204 от 15 сентября 2016 Тэги: **Валюта, Выборы, Газ, Кризис, Пенсии, Школа, Погода, Война, Власть, Олимпиада** Персоны: **Владимир Путин, Ксения Собчак** Организации: **Правительство РФ Газпром Армия** Места: **Россия, Москва, Санкт-Петербург, Германия, Великобритания, Казахстан**

© ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец" Электронное периодическое издание «MK.ru»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство Эл № ФС77-45245 Редакция - ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец". Адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1. Телефон: +7(495)609-44-44, +7(495)609-44-33 Реклама третьих сторон

Все права на материалы, опубликованные на сайте www.mk.ru, принадлежат редакции и охраняются в соответствии с законодательством РФ.

Использование материалов, опубликованных на сайте www.mk.ru допускается только с письменного разрешения правообладателя и с обязательной прямой гиперссылкой на страницу, с которой материал заимствован. Гиперссылка должна размещаться непосредственно в тексте, воспроизводящем оригинальный материал mk.ru, до или после цитируемого блока.